

С. А. Никонов

Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия. snikonov-77@mail.ru

М. В. Толкачев

Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия. mikh.tolkachev@mail.ru

КЛЕМЕНТ БЛУМ (КЛИМ ЮРЬЕВ) НА РУССКОМ СЕВЕРЕ (ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ДАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.)

В статье рассматривается биография датского купца и авантюриста Клемент Блума – участника морских путешествий на Север России в начале XVII в. Блум стал руководителем неудачной экспедиции датской Печорской компании в Пустозерск в 1619 г. Короткое пребывание датчанина в Кольском остроге спровоцировало конфликт, вызвавший ряд нападений датской эскадры на Мурманский берег. В судьбе Блума отразились черты взаимоотношений европейцев и русских на Крайнем Севере: торговое сотрудничество и дружеские контакты с представителями администрации и местного общества.

Ключевые слова: Клемент Блум, торговля, Кольский острог, Пустозерск, Мурманский берег

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20047,
<https://rscf.ru/project/24-28-20047/>.

Авторы выражают признательность за помощь в работе
и ценные консультации доктору (Ph.D.) Карлу-Хенрику Лунду (Дания).

Побережье Баренцева моря – Мурманский берег – в XVI–XVII вв. стало местом русско-европейских контактов. Этому способствовал ряд факторов. Колонизация побережья Белого и Баренцева морей и развитие рыболовных промыслов обеспечили постоянное присутствие русского населения на Крайнем Севере Европы. Поиск торговых путей на Восток дал старт целому ряду европейских экспедиций, «открывших» путь в Россию для англичан и голландцев¹. На побережье возникли торговые центры, где велась меновая и денежная торговля европейцев с русскими и саамами [Вальдман; Державин, с. 88–95; Ушаков, 1997, с. 72–77]. В контактах с населением Русского Севера более всех преуспели голландцы. Уже в конце 1570-х гг. некоторые представители голландского купечества получают от русских властей привилегии на торговлю в Коле и Холмогорах [Хаккеборд].

Менее изученным в историографии осталось участие в освоении морского пути на Русский Север и в торговле датчан, хотя на побережье Баренцева моря они появились ненамного позже, чем выходцы из Англии и Нидерландов. Каменная плита на острове Большой Аникиев² сохранила выбитые датскими моряками из Фленсбурга, Зоденбурга и других мест надписи, наиболее ранние из которых датированы 1595–1597 гг. [Гортер, Гортер; Кошечкин, с. 10–23]. Вопросы торговли нашли отражение в русско-датских договорах 1493, 1506, 1516 и 1562 гг.³ Основные торговые интересы двух стран пересекались на Балтийском море. Об этом, в частности, свидетельствует данное датчанам право строительства торговых дворов в Новгороде и Ивангороде⁴. Торговля на Баренцевом море осуществлялась норвежцами. Кальмарская

¹ Подробнее об этом см.: [Копелев].

² Большой Аникиев – остров при входе в бухту Цып-наволок полуострова Рыбачий.

³ См.: Русско-датский договор 1493 г. № 110. Tractatus amicitiae et confederationis inter Iohannem Daniae Regem et Iohannem Basilidem Magnum Dominum Russiae // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1894. Ч. 5. С. 129–131. См. также: [Венге, с. 10–12; Казакова, с. 89].

⁴ РИБ. СПб., 1897. Т. 16. № 9. Жалованная грамота, июль 1517 г. Стб. 21–24. См. также: [Казакова, с. 95–96; Шаскольский, с. 18].

уния, заключенная в 1397 г., превратила Норвегию в союзника Дании, находящегося на вторых ролях [Гуревич; Щеглов]. Датская корона даровала купцам из норвежских городов Бергена и Трондхейма право монопольной торговли на Русском Севере [Шаскольский, с. 54–55]. Они вели торговлю на становище Кегор⁵ (современная Вайдо-губа полуострова Рыбачьего). Русские промышленники участвовали в торговле на территории Норвегии. Местом торга стал Вардё (Варгав). К началу 1530-х гг. относятся известия о том, что фогт⁶ Вардё ведет торг с русскими и карелами. Доход от торговли поступал в королевскую казну [Шаскольский, с. 49, 54; Hansen, p. 57].

Если для норвежцев участие в торговле с русскими на Мурманском берегу было привычным делом, то интерес датской короны к этому району возник не раньше начала 1580-х гг. В Копенгагене с большой тревогой следили за развитием торговой деятельности англичан и голландцев. В 1582 г. король Фредерик II даже отправил к берегам Северной Норвегии и Кольского полуострова военные корабли, чтобы блокировать попытки самовольного хождения иностранных судов вокруг Норвегии. В то же время фогтам Вардё было предписано взимать пошлину с иностранных судов, решивших пройти Северным морским путем в Русское государство. Этим король Дании-Норвегии пытался взять под контроль водное пространство между Норвегией и Исландией, взимая пошлину наподобие той, что бралась за проход через пролив Зунд (современный Эресунн).

Действия Дании вызывали опасения Русского государства. Для безопасности в 1585 г. международную торговлю было решено перенести с побережья Баренцева моря в Архангельск. В Коле тем временем разрешалось торговать лишь продуктами местных промыслов [Ушаков, 1972, с. 75; Шаскольский, с. 56]. В июне 1585 г. кольский воевода Григорий Васильчиков уведомлял об этом решении фогта Варгава. В виде исключения было разрешено прибыть в острог датскому торговому судну, груженному мукой, вином, сукном, пивом и прочими товарами⁷. Попытки датской стороны сохранить право торговли в Коле не вызвали одобрения царя Федора Ивановича⁸. Запрет на торговлю нарушался датскими и норвежскими купцами, приходившими в Кегор и Колю [Шаскольский, с. 57]. Неудивительно, что во время шведского нападения на Кольский острог 23 декабря 1589 г. недалеко от города в заливе стояли датские торговые суда⁹. У «дацких немец» местные жители взяли «в долг» четыре пушки и четыре «пищали больших з зельем», что позволило отразить нападение¹⁰.

Международная торговля на Мурманском берегу продолжала развиваться в 1590-е – начале 1600-х гг. Англичане и голландцы теснили норвежцев и датчан. Жалобы последним царям Федору Ивановичу и Борису Годунову в 1595 и 1602 гг.¹¹, видимо, не имели эффекта. Негладко у выходцев из Датского королевства складывались отношения и с администрацией Кольского острога. В тех же жалобах высказывались претензии на поборы со стороны воевод, использова-

⁵ О становище Кегор см.: Показания господина Уильяма Бэрроу, 23 июня 1576 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1937. С. 92; Путешествие г. Стифена Бэрроу в 1557 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 123–124.

⁶ Фогт – должностное лицо в Норвегии и некоторых других европейских странах, осуществлявшее различные функции, связанные с управлением городом или крупной провинцией.

⁷ РИБ. Т. 16. № 53. Стб. 211–214.

⁸ Там же. № 57. Стб. 235–236.

⁹ Две грамоты царя и великого князя Федора Иоанновича кольским жителям // Отечественные записки. 1829. № 115. Ноябрь. С. 189.

¹⁰ Там же.

¹¹ Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. / Изд. подгот. Ю. Н. Щербачев (далее – Датский архив). М., 1893. № 501 (455), 12 июля 1595 г. С. 140; № 570 (522), 22 января 1602 г. С. 157.

ние незнакомых весовых мер, запрет на покупку съестных припасов¹². В росписях захваченного датчанами имущества, составленных русскими промышленниками в 1623 г.¹³, упоминаются имена целого ряда датских купцов. Это Яков Уграватой, Яков Янов (Юнов), Иван Юрьев, Иван Вельяминов, Петр Корнилов, Иван Шмак, Матфей Иванов, Юрий Кляпонос, Иван Никулаев, Томас, Иван Зуй (Иван Христинов, по прозвищу Зуй Датский)¹⁴. В справочной литературе, посвященной иностранному купечеству в России XVI–XVII вв., удалось выявить данные о Петре Корнилове, отнесенном А. В. Демкиным к нидерландским купцам [Демкин, с. 74].

С 1610-х гг. внимание датских купцов привлекают места пушной торговли Русского Севера. Таким был Пустозерский острог на р. Печоре. Одной из первых попыток датчан пройти к этим местам стала экспедиция Йенса Мунка в 1609–1610 гг. на Новую Землю, участникам которой удалось выйти в Карское море. Полученные в ходе экспедиции данные содействовали дальнейшему проникновению датчан на Север России, что стало наиболее заметным с 1616 г. [Кристенсен, с. 39]. В мае 1619 г. состоялась еще одна экспедиция Мунка в поисках северного морского прохода в Индию. Старшим помощником в экспедиции был англичанин Уильям Гордон. В 1611 г. англичанин уже ходил на Печору на судне английской Московской компании «Amitie» («Дружба»). В 1614–1615 гг. Гордон зимовал на Печоре и даже предпринял путешествие на Урал для выгодной закупки меха¹⁵. В этой поездке его спутником стал Мармадьук Уилсон (в русских источниках – Матюшка Иванов), также имевший опыт морского путешествия в северных водах и зимовавший в Пустозерске в 1611–1612 гг. [Dalgård, s. 92].

Перейдя на датскую службу, У. Гордон рекомендовал участие в пушной торговле на Русском Севере как прибыльную сферу коммерческой деятельности [Dalgård, s. 92]. Предложение было поддержано королем Христианом IV. В марте – апреле 1619 г. была создана Печорская компания. Членами компании стали сам король и крупные купцы Копенгагена, в числе которых были бургомистр Микель Вибе, выходец из Нидерландов Йохан де Виллем, чей брат, амстердамский купец Пауль де Виллем, был доверенным лицом датского короля. Для компании было приобретено судно «Св. Михаил» («St. Michel») грузоподъемностью 70 тонн, предоставлены товары и денежные средства в русской монете и талерах. Руководителем экспедиции на Печору был назначен Клемент Блум [Dalgård, s. 93].

Биография Клемента Блума (Clement Blumen) рассматривалась отечественными исследователями [Белов, с. 89–90, 93; Державин, с. 107; Коваленко; Ушаков, 1972, с. 91–94]. Внимание ограничивалось преимущественно причастностью датчанина к нападению датской эскадры на Мурманский берег в 1623 г. Исторический сюжет, связанный с деятельностью Клемента Блума и Печорской компании, является важной главой в истории русско-датских взаимоотношений на Крайнем Севере в начале XVII в. В нем отразилось противостояние двух государств по пограничному вопросу, взаимодействие местной администрации (Двинского и Кольского уезда) с центральной властью в решении конфликта. Дело Блума послужило предлогом для датского военного нападения, ставшего исключительным событием в истории отношений двух государств.

Имя датчанина известно и в другом варианте, который на русском языке может быть передан как Клемент Блом (Chlemmidt Blom/Blomme). В двух грамотах короля Христиана IV

¹² Там же. № 501 (455), 12 июля 1595 г. С. 140; № 502 (456), 12 июля 1595 г. С. 140; № 570 (522), 22 января 1602 г. С. 157. См. об этом также: [Шаскольский, с. 59].

¹³ Подробнее см.: [Никонов, Толкачев].

¹⁴ РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией – из фондов Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.). Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 136, 309–311, 316, 322, 324–326, 345–350; Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 1. Д. 962. Л. 38, 46, 48–49, 51–58, 76, 78.

¹⁵ Проникновение англичан на Печору и Новую Землю в период Смуты в России отмечалось и в отечественной литературе (см.: [Лабутина, с. 100–101]).

упоминается отчество Клемент – Юргенсон¹⁶ (по-датски и по-норвежски – Юргенсен). В России была предложена его точная калька – Юрьев. В скандинавских языках имя Юрген соответствует имени Георгий. В русских источниках имя датчанина передавалось как Клим (Климко) Юрьев.

Дата и место рождения Блума точно неизвестны. Нельзя исключать, что он происходил из Фленсбурга (современная земля Шлезвиг-Гольштейн, Германия), выходцы из которого участвовали в торговле на Русском Севере. Имена некоторых моряков из этого датского города, напомним, высечены на каменной плите острова Большого Аникиева. Первое известие о Блуме в источниках датируется 17 марта 1616 г. Он упоминается в охранном свидетельстве (пасе) в качестве капитана судна, принадлежавшего купцу из Фленсбурга. Судно направлялось на север Норвегии¹⁷. Нельзя исключать, что до 1619 г. Клемент Блум неоднократно бывал в России. Об этом свидетельствует знание им русского языка. На русском он общался в Кольском остроге, куда прибыл в сентябре 1619 г., с администрацией и местными жителями; без переводчика говорил с пленными промышленниками во время нападения датской эскадры на Мурманский берег в июне – июле 1623 г. Так, захваченному в плен на становище Типунове¹⁸ соловецкому крестьянину Ортюшке Ларионову Блум «по-русски говорил» не заходить в Кольский острог, потому что там «будет сеча»¹⁹. Хорошее знание русского языка Блумом подтверждает и выданный ему 20 октября 1620 г. королевский патент переводчика²⁰.

Нельзя исключать, что Блум знал и несколько европейских языков. Документы он составлял на верхненемецком языке, который, возможно, был для него родным²¹. Конфискованная в России библиотека Клемент Блума (см. ниже) включала книги на голландском, датском и шведском языках.

Опыта Блума, видимо, было достаточно для руководства экспедицией на Печору. У него было двое помощников (субфакторов) – выходец из Фленсбурга Ханс Нансен и уже знакомый нам англичанин Мармадьюк Уилсон. Англичанину отводилась роль штурмана, хорошо знавшего проход в устье Печоры. В команду входили трое матросов, чьи имена в русских источниках были переданы как Михалко Петров (Junge genandt Michel / юнга Михаэль), Якунка (Junge genandt Jakob / юнга Якоб) и Богдашко (Khnafe Berent / юноша Берент) [Dalgård, s. 93–94].

Экспедиция должна была закупать пушнину у русских охотников без посредничества Русского государства [Кристенсен, с. 39]. Для оплаты было решено использовать отчеканенные в Дании фальшивые русские монеты (деннинги), изготовленные из низкопробного серебра по образцу копеек, но с именем Христиана IV [Державин, с. 93; Мельникова, 1960; Мельникова, 1989, с. 190–195; Ушаков, 1972, с. 92]. Их чеканка обошлась датской казне в 1500 ригсдалеров [Кристенсен, с. 40]. Совершив закупку меха, экспедиция должна была зазимовать в России²² [Dalgård, s. 93].

До выхода судна в море Христиан IV 5 мая 1619 г. известил грамотой царя Михаила Федоровича о создании компании и намерении отправить на Печору судно. Король просил дать разрешение на строительство купеческого двора и конторы, право свободной торговли с местными жителями²³. Учитывая, что «Св. Михаил» вышел в море в июне 1619 г., королевская гра-

¹⁶ Датский архив. № 706 (658). С. 194; № 713 (665). С. 196.

¹⁷ Norske Rigs-Registranter tildeels i uddrag. Udgivne efter offentlig foranstaltning af bestyreren for det norske hist. kildekrift-fond. Fjerde bind, 1603–1618 (IV). Christiania, 1870. S. 575.

¹⁸ Становище – сезонный промысловый поселок на Мурманском берегу; становище Типуново – промысловое становище вблизи одноименного мыса на полуострове Рыбачьем.

¹⁹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 6.

²⁰ Kancelliets Brevbøger vedrørende Danmarks indre forhold i uddrag. 1616–1620. København, 1919. S. 925.

²¹ Выражаем признательность за консультацию К.-Х. Лунду.

²² О Печорской компании см. также: [Кристенсен, с. 39–40; Шаскольский, с. 30].

²³ Датский архив. № 681 (633). С. 186.

мота должна была поставить русские власти перед свершившимся фактом датской экспедиции на Печору.

Несмотря на подготовку, экспедиция оказалась неудачной. «Св. Михаил» из-за ледовой обстановки так и не смог зайти в устье Печоры. Корабль повернул обратно и отправился к побережью Баренцева моря, в сентябре 1619 г. бросив якорь у острова Кильдин²⁴. Судовой груз был перевезен в Кольский острог, куда приехали и трое участников экспедиции – Клемент Блум, Мармадьюк Уилсон и Ханс Нансен. «Св. Михаил» с оставшейся на борту командой отправился в Копенгаген.

Попытки датчан пройти морским путем к устью Печоры вызывали обеспокоенность русской власти. В царской грамоте Христиану IV от 12 июля 1619 г. отмечается, что «некоторые вашего королевского величества подданные торговые люди города Копнагава с товары своими хотят послать в наше государство в Печеры на караблях», где намереваются заниматься промыслом и вести торг²⁵. В грамоте рекомендовалось отказаться от этой затеи, поскольку печорские места «непроходимые» и «карабелнево ходу в нее с моря николи не бывало, и вперед к ней карабелному ходу быти невозможно, потому что весною с моря приносит к устью тое реки вместе со лдом заносит песком»²⁶. Вместо полного опасностей пути на Печору грамота рекомендует датчанам приходить для торга в Архангельск, куда доставлять товары было «поволно».

Запрет на использование Северного морского пути для походов к Печоре и дальше в Сибирь не был направлен только против иностранцев. Использование морской трассы русскими поморами впервые зафиксировано царской грамотой 1600 г. По этому пути крестьяне из Пинег и Мезени ходили в Мангазею «промышляти и торговати»²⁷. Меха торговля интересовала и европейцев, в частности голландцев. Тобольский воевода, князь И. С. Куракин в 1616 г. сообщал в Москву показания «немчина» Савы Француженина о том, что семью годами ранее голландцы совершили поход в Мангазею и даже пытались пойти дальше на восток, к Енисею, но из-за ледовой обстановки и погодных условий этого сделать не смогли²⁸. Об интересе «немцев» к местам русской торговли пушниной сообщали воеводе и другие люди, отмечая, что иноземцы в Архангельске «наймовали в вожи» поморов, чтобы пройти к Мангазее²⁹. Служилые люди и промышленники обнаруживали следы присутствия иностранцев: «копаны ямы»³⁰ на побережье Карской губы, останки потерпевшего крушение корабля и пушки с него на острове Колгуев, на Новой Земле встречали ведших промысел голландцев³¹. Опасность состояла в том, что европейские суда, в отличие от русских, были способны совершать длительные морские переходы, не требовавшие остановок в Архангельске. Немногочисленные стрелецкие гарнизоны Мангазеи и «иных сибирских городов» не могли отразить возможное военное нападение. Царским указом от 25 июня 1616 г. морской ход в Мангазею был закрыт: «чтоб немецких лю-

²⁴ Кильдин – остров в Баренцевом море, к востоку от Кольского залива.

²⁵ РИБ. Т. 16. № 105. Стб. 519.

²⁶ Там же. № 105. Стб. 520.

²⁷ Обдорский край и Мангазея в XVII веке: сборник документов / Авт.-сост. Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. № 23. С. 74–75. В сборнике представлены ранее опубликованные и вновь выявленные в архивах документы.

²⁸ Там же. № 24. С. 76.

²⁹ Там же.

³⁰ Известно, что в конце XVII в. у голландцев был интерес к поиску месторождений золота и серебра в Сибири. Не исключено, что попытки отыскать руды голландцы могли предпринимать и несколькими десятилетиями ранее (см.: [Белов, с. 85]).

³¹ Указные грамоты городovým воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. М., 2012. № 24 (Раздел: Соль Вычегодская). С. 324.

дей на Енисею и в Мангазею отнюдь никого некоторыми мерами не пропускали»³². Одновременно с этим морской путь закрывался и для русских промышленников, которых обязали идти в Сибирь сухопутной дорогой, через Березов и Тобольск. Грамоты о запрете ходить морским путем 1616, 1617, 1620 гг. были отправлены воеводам Тотьмы, Сольвычегодска. Выходцы из этих городов ходили для пушного промысла и торговли не только в Мангазею, но и дальше³³.

В этой обстановке появление иностранных путешественников не могло не вызывать опасений. О прибывших в острог членах датской команды в Москву сообщали кольский воевода Серой Чеголков и подьячий Второй Шестаков³⁴. Для выяснения обстоятельств в Москву был отправлен англичанин Мармадюк Уилсон (Матюшка Иванов). В присутствии английского посла в Москве Джона (Ивана) Меррика он рассказал об экспедиции в Пустозерск³⁵.

Обстоятельства пребывания Клементя Блума в Кольском остроге, его взаимоотношения с местными властями и обществом представлены в обыскных речах, взятых приехавшими в город князем В. И. Турениным и дьяком В. Трескиным. Показания датированы концом октября – ноябрем 1623 г. Обыск проводился по горячим следам датского нападения на Мурманский берег летом 1623 г., а формальным поводом к нему стали «обиды», нанесенные русскими властями Клементу Блуму³⁶. Опрошены были игумен Сергей и братия Троицкого Печенгского монастыря, офицерские чины гарнизона Кольского острога.

Итак, в Колу Клим Юрьев прибыл 2 сентября 1619 г. и с согласия воеводы Серого Чеголкова (Чоголокова) (годы воеводства: 1618–1619) и подьячего Второго Шестакова был оставлен на зимовку. Этот поступок местной администрации позже стал трактоваться как жест доброй воли: датчанину оставаться «велели... до весны», только «ведая меж нашего царского величества и вашего королевского величества прежнее мирное докончанье и любовь»³⁷.

Здесь же, в Коле, датчанин решил оставить товар, предназначенный первоначально для торговли в Пустозерске. Какая-то его часть затем была продана в Кольском остроге. По показаниям воеводы и подьячего, приведенным в царской грамоте датскому королю, Блум доставил с корабля в Колу «хлебные запасы, мука ржаная, и соль, и иные мелкие товары»³⁸. В действительности, состав товаров был более разнообразен, и одну из основных статей дохода датчанина в остроге составляла торговля спиртным.

Появление датчанина в Коле совпало со временем вступления в должность нового воеводы Пимина Юшкова (годы воеводства: 1619–1620). Климу Юрьеву было позволено остановиться на гостином дворе, стоявшем за пределами крепости. В писцовой книге Кольского уезда 1608–1611 гг. указывается, что на Нижнем посаде Колы³⁹ стоял старый двор «съезжой на приезд иноземцом», рядом с которым был поставлен погреб, где «ставят... государево кабатцкое питье»⁴⁰. Второй двор был новым и не имел мест для жительства. Он был огорожен тыном, а на его территории были поставлены амбары и чуланы⁴¹. Старый гостиный двор в эту пору стоял на земле, принадлежавшей Троицкому Печенгскому монастырю⁴².

³² Обдорский край и Мангазея в XVII веке... № 24-3. С. 79–80. О закрытии Северо-Восточного морского прохода из европейской части в Сибирь см.: [Белов, с. 116–119; Вершинин; Ясински, Овсянников, с. 155–162].

³³ Указные грамоты городским воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. № 119, 149 (Раздел: Тотьма). С. 221–222, 228; № 24, 46, 70 (Раздел: Соль Вычегодская). С. 324, 336–337, 353–354.

³⁴ РИБ. Т. 16. № 117. Стб. 592.

³⁵ Там же. № 110. Стб. 552–553.

³⁶ Подробнее см.: [Никонов, Толкачев].

³⁷ РИБ. Т. 16. № 117. Стб. 592.

³⁸ Там же.

³⁹ Нижний посад – торгово-ремесленная часть Колы, находившаяся за пределами острога.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 1. Кн. 208. Л. 19.

⁴¹ Там же. Л. 19–19 об.

⁴² Там же. Л. 19.

Итак, Клемент Блум остановился на старом гостином дворе, который после переноса международной торговли в Архангельск утратил свое значение. Принадлежность земли Печенгскому монастырю объясняет контакты датчанина со старцами обители, а находившиеся по соседству с двором погреба для хранения «кабатцкого питья» – его участие в торговле спиртным.

С дозволения воеводы Блум занимался пивоварением, не только для собственных нужд, но и на продажу. Для варки пива ему было разрешено использовать «государевы суды» – специальные котлы, находившиеся в ведении местной администрации. Желая датчанин продавал и более крепкие напитки: горелку, романею и олкан (алкан)⁴³. Для покупки спиртного посадским людям и стрельцам нужно было, «доложась у воеводы», получить устное или письменное разрешение «с воевоцкою печатью»⁴⁴. Для воеводы дача согласия на покупку у Клим Юрьева пива и других спиртных напитков, по всей видимости, была одним из источников личного дохода.

Клим Юрьев продавал в Коле не только спиртное, но и другие товары из привезенных. В показаниях кольских пушкарей Баженки Кондратьева, Трешки Каши, Дружинки Кипреянова, Богдашки Гаврилова, Ларки Земцова утверждалось, что в продажу шли сукна и металлы (медь, олово, железо)⁴⁵.

С местными властями у датчанина сложились приятельские отношения. Так, сотники стрелецкие Стахей Онучин и Третьяк Тургенев сообщали князю Туренину, что по прибытии в Колу Клим Юрьев воевода Чеглоков и подьячий Шестаков отправились на судно. Сотники также были в этой делегации, однако не могли сказать, одаривал Клим местные власти или нет⁴⁶. Кольские пушкарки были более памятьливы и сообщили следствию, что датчанин с воеводами Чеглоковым и Юшковым «пили ... и ели ... заодно», нанося взаимные визиты вежливости: воеводы «ходили пировать на гостинной двор», а Клим Юрьев водили «в острог пировать»⁴⁷.

Попойки не только способствовали дружбе, но и вызывали неожиданные ссоры. Возможно, свою роль сыграло стремление воеводы Пимина Юшкова обогатиться на торговых операциях Блума. Все это разрушило нарождавшееся взаимовыгодное сотрудничество. Из показаний стрелецких сотников следовало, что в какой-то момент воевода Юшков и подьячий Шестаков «никаким людям питья купити (у Клемента Блума. – С. Н., М. Т.) ... не велели»⁴⁸. Возмущенный запретом, датчанин заявил, что «веть-де Колской острог у государя и у датцкого короля вопщя земля»⁴⁹. Испугавшись прямоты высказывания Блума, воевода и подьячий об этом случае «к государю писали». В действительности, грамота кольского воеводы сначала была отправлена на Двину, воеводе князю А. В. Хилкову, который затем и сообщил в Москву.

Датчанин затронул болезненный вопрос русско-датских отношений: Кольский полуостров и Финнмарк (Северная Норвегия) были предметом неулаженных территориальных споров двух государств⁵⁰. Тезис Блума об общности территорий не мог найти сочувствия у русской власти ни в Коле, ни тем более в Москве. Русские власти утверждали, что эти земли были «старинными нашими лопскими землями» и «та земля Лопская искони вечная наша вотчина»⁵¹.

⁴³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 740. Ст. 11. Горелка – водка, романея – западноевропейское вино, олкан (алкан) – вино из Испании.

⁴⁴ Там же. Ст. 4, 8.

⁴⁵ Там же. Ст. 11.

⁴⁶ Там же. Ст. 7–8.

⁴⁷ Там же. Ст. 11.

⁴⁸ Там же. Ст. 8.

⁴⁹ Там же. Ст. 9. Речи датчанина затем передавались и царскими грамотами, адресованными королю Христиану IV (см.: РИБ. Т. 16. № 113. Стб. 573).

⁵⁰ Подробнее об этом конфликте и историографии проблемы см.: [Толкачев].

⁵¹ РИБ. Т. 16. № 55 (№ 56 по оглавлению). Август 1585 г. Стб. 221.

Обращает на себя внимание, что заявление Блума совпало с новым раундом давнего территориального спора. В грамоте от 14 мая 1618 г. Христиан IV предлагал русскому царю возобновить переговоры по этому вопросу⁵².

Москва выдвинула Блуму обвинение в нарушении сроков пребывания в Кольском остроге, потому что датчанин остался там зимовать «мимо прежние обычаи»⁵³. Вопреки утверждениям царских грамот о регулировании сроков пребывания иноземцев, на практике ситуация была не такой однозначной. Дружеские взаимоотношения Блума и властей Колы не могли возникнуть только на почве покровительства торговле датчанина или совместного времяпрепровождения. Пограничное положение Кольского уезда, развитие международного торга на Мурманском берегу делали присутствие иноземцев не столь редким явлением. Согласно показаниям братии Печенгского монастыря, и до приезда Блума в Колу «истари дацкие, и аглинские, и голаньские немецкие люди в Колском остроге, в Печенском монастыре и на посаде у посацких людей по воевоцкому веленью зимовали для торгу и для ученья русково языка и грамоты руския»⁵⁴. В ноябре 1623 г., близком по времени к следствию, в Кандалакшском Пречистенском монастыре «зимовали 2 немъчина дацкие», а в Ковдской волости зимовал еще один «немчин»-датчанин⁵⁵.

Одной из причин зимовок иностранцев было изучение русского языка и грамоты, необходимых для регулярных торговых контактов в стране. В историографии последних лет рассматривается проблема подготовки переводчиков в московских приказах [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин]. Здесь мы видим такой способ изучения языка, как погружение в языковую среду.

Обстоятельства ареста Клемента Блума приходится реконструировать по ряду источников. Некоторые моменты, связанные с ним, не могут быть прояснены. После «сигнала» воеводы Юшкова об опасных заявлениях датчанина в Колу выехала специальная комиссия для разбирательства. Ее составили князь Воин (Кузьма) Кропоткин и Андрей Усов⁵⁶. Когда комиссия прибыла в острог и приступила к работе, в известных нам источниках не раскрывается. Следует предполагать, что это могло произойти не ранее конца 1619 – начала 1620 г.⁵⁷

Князем Воином Кропоткиным на гостином дворе была проведена опись имущества Блума. В этой процедуре участвовали воевода Пимин Юшков и подьячий Второй Шестаков, стрельцкие сотники Алексей Дурнев, Стахей Онучин, Андрей Дунилов, Третьяк Тургенев, а также посадские люди Шестой Иванов и Дмитрий Сергеев. Опись составлял посадский человек Роман Яковлев⁵⁸.

Еще одну опись имущества Блума в 1623 г. составили князь Василий Туренин и дьяк Воин Трескин. Документ назван «ценовой росписью»⁵⁹. Такой заголовок говорит о том, что в описи был зафиксирован не только перечень предметов, но и их стоимость. Впоследствии этот документ поступил в Посольский приказ, где решалась судьба изъятого у датчанина имущества.

Но на этом история описей имущества Клемента Блума не завершается. Датчанином была подготовлена и собственноручная опись изъятых товаров на немецком языке. Документ

⁵² Датский архив. № 679 (631). С. 186.

⁵³ РИБ. Т. 16. № 110. Стб. 553.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 740. Ст. 4–5.

⁵⁵ Там же. Ст. 5. Сведения об изучении «немчинами» в Кольском уезде русского языка приводятся и в работе Г. М. Коваленко [Коваленко, с. 61].

⁵⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 740. Ст. 5–6.

⁵⁷ Г. М. Коваленко утверждает, что князь и его помощник прибыли в Колу в марте 1620 г., но не указывает источника этих сведений [Коваленко, с. 59].

⁵⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 740. Ст. 5, 9, 13.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 50 (Сношения России с Голландией – из фондов Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.). Оп. 1. 1637 г. Д. 8. Л. 60, 114.

датирован 22 марта 1620 г.⁶⁰ (см. Приложение). В настоящее время эта опись хранится в Датском национальном архиве (Rigsarkivet)⁶¹. Арестованное имущество включало сукно, металлы (железо, олово, медь), меха животных (лисица, куница, выдра, бобр), сушеные фрукты (инжир, сливы, изюм), продукты и специи (мука, масло, мясо, перец), различные мелкие предметы (иглы, булавки, ножницы и замки), свинец и порох⁶².

Г. М. Коваленко был выявлен ценный источник, содержащий перечень принадлежавших Клементу Блуму книг, также конфискованных у него во время ареста [Коваленко, с. 61–62]. От подробной характеристики архивной находки ученый воздержался.

Сведения о книгах датчанина содержатся в двух росписях. Первая озаглавлена «Роспись, сколько датцково немчина Клим Юрьева книг». Она содержит только библиографические данные о книгах: формат («осмушок», в четверть, в полдесть, в десть), тип (печатная, рукописная). Для двух книг указан язык («книга... немецкая»). Для одной рукописной книги указано, что она «писана в харатьи». Также описан переплет («в досках», «в коже», «в харатьях», «з застешками»). Обращает на себя внимание, что схема характеристики книг библиотеки Блума совпадает с выработанными в России правилами описания книжных собраний, в частности монастырских библиотек [Кукушкина, с. 178–185].

Вторая роспись сохранилась в черновом⁶³ и беловом⁶⁴ вариантах. Она озаглавлена «Роспись немецким книгам, что присланыя от Архангелского города, датцкого немчина Клим Юрьева». Здесь описание расширено: указываются не только формат и тип книги, но и заглавие либо краткое содержание. Для каждой книги, кроме «цыфирных», указан язык. Характеристика переплета здесь отсутствует.

Количество книг в росписях не совпадает: первая содержит данные о 36, вторая – о 34 книгах. Используя материалы второй росписи, дадим краткую характеристику библиотеки. Преобладали в ней печатные издания – 28 книг (82 %); рукописей было четыре (12 %). Для двух книг (6 %) тип не указан. Основной язык библиотеки Блума – немецкий, на нем написано 18 книг (53 %); на шведском – семь книг (21 %), на голландском и датском – пять книг (15 %). Для четырех книг (11 %) язык не указан.

Основу библиотеки составляли тексты религиозного и религиозно-нравственного содержания – 20 книг (59 %). Это не только основные христианские тексты (Евангелие, Псалтирь, ветхозаветная Книга Иисуса сына Сирахова), но и молитвословы, катехизис, а также назидательные тексты, в том числе изложенные в виде вопросов и ответов: «О Христе и о тайне Христове»; «Как христианским юношам и детям жити»; «Как мужу з женою в законе жити и как словом Божиим от смущения дьявольского боронится»⁶⁵.

Вторую по количеству группу составляют произведения художественной и исторической литературы – семь книг (21 %). Это повествования о политических деятелях античного мира (Александре Македонском, Юлии Цезаре, Сципионе Африканском), хроника «о владенье турских царей» с биографиями восьми «королей»⁶⁶, а также хроника о «начале и владенье» четырех мировых монархий (ассирийской, персидской, греческой и римской). К художественной литературе, в частности, относится популярный средневековый рыцарский роман «о шпанском богатыре» Фиерабрасе⁶⁷.

⁶⁰ Краткие сведения об описи приведены Ю. Н. Щербачевым (см.: Датский архив. № 688 (640). С. 189).

⁶¹ Rigsarkivet, Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling: Rusland: Breve fra russiske kejsere og kejsersinder (1516–1769) 73–4: Zar Mikhail Feodorovitsch Romanov 1614–1628. Ак 56. Документ предоставлен К.-Х. Лундом.

⁶² Там же.

⁶³ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1637 г. Д. 8. Л. 117–120.

⁶⁴ Там же. Л. 121–127.

⁶⁵ Там же. Л. 125–126.

⁶⁶ Там же. Л. 124.

⁶⁷ Там же. Л. 126.

В библиотеке имелись две книги по навигации. Приведем краткое содержание одной из них по росписи полностью: «Свеча морскому ходу, по чему карабелным людем морской ход, и розных земель морские береги на окияне, и на Воряжском и в Белом море, пристанища карабелные познавать, и про многие земли и острова Восточной и Западной Индеи и подле того, наук и м[у]дрость морского ходу с новыми поскальями, про солнце и про небесные знамена, карабелным людем к великой пользе». Возможно, это знаменитый атлас голландского картографа Л. Я. Вагенера «Зеркало (Зерцало) морей», первое издание которого вышло в 1586 г. В книгу вошли карты морей, омывающих Европу, в том числе Северного, Баренцева и Белого морей, и архипелага Новая Земля [Багров, с. 127–129; Джонсон, Нурминен, с. 252–254]. В атласе имелось и руководство по навигации, содержащее сведения по астрономии, о морских приливах и отливах, рекомендации к составлению собственных карт и др. Навигационным задачам служили и «цыфирные» книги, являвшиеся, по всей видимости, пособиями по арифметике⁶⁸.

Хотя в росписях владельцем книг указан Клемент Блум, у нас не может быть полной уверенности в этом. Нельзя исключать, что какая-то часть конфискованных книг принадлежала другим членам команды. Об этом косвенно свидетельствует наличие нескольких экземпляров некоторых изданий. Так, в составе библиотеки было три Евангелия, четыре молитвослова, четыре «цыфирные» книги.

Участники и очевидцы тех событий не могли точно сказать, всё ли имущество было переписано и что из тех «Климовых товаров отпущено на Двину, и что его товаров осталось в Колском остроге»⁶⁹. Внимание к этому вопросу было не случайно. Вернувшись в Данию, Клемент Блум обвинил русские власти в том, что его «товары» были «отданы не сполна»⁷⁰. Во время датского нападения на Мурманский берег в 1623 г. мотив незаконного изъятия имущества Блума кольским воеводой Пименом Юшковым использовался в качестве основного для оправдания действий датской эскадры: будто бы при переписке имущества «лутчево живота в роспись не писали, а завладели тем животом сами»⁷¹.

Отправка датских товаров из Кольского острога не могла осуществиться быстро: ледовая обстановка на Белом море не допускает судоходства до мая – июня. В царской грамоте от 22 января 1622 г. заявлялось, что арестованное имущество из Колы на Двину вовремя «прислати не успели»⁷². Отправить датские товары зимним путем было невозможно, поскольку «ис Колского острогу к Двине зимней путь нужной и непроходимой, ездят на оленех малыми стежками належке»⁷³.

Клемента Блума доставили из Колы в Холмогоры сухопутным маршрутом, проходившим через Кольский полуостров и побережье Белого моря. Этот путь в XVII–XVIII вв. широко использовался мурманскими промышленниками. Сведения о пребывании Блума на Двине противоречивы. Датчанин заявлял, что его «держали в неволи и в тюрьму сажали»⁷⁴. Эти обвинения отвергались царской грамотой датскому королю Христиану IV. В показаниях двинского воеводы князя А. В. Хилкова, напротив, утверждалось, что на Холмогорах датчанину был дан «двор доброй до тех мест, покаместа корабельной ход поспеет»⁷⁵. Но и имея сносные условия жизни, Блум продолжал говорить «многие ссорные слова», содержание которых в грамоте не раскрывается.

⁶⁸ Там же. Л. 127.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 740. Ст. 6, 10, 13.

⁷⁰ РИБ. Т. 16. № 113. Стб. 573.

⁷¹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 32.

⁷² РИБ. Т. 16. № 113. Стб. 578.

⁷³ Там же. № 117. Стб. 593.

⁷⁴ Там же. № 113. Стб. 573.

⁷⁵ Там же. № 113. Стб. 575.

Арестованное имущество датчанина было размещено в Архангельске на «гостином на русском дворе в анбарех»⁷⁶. Последующая его судьба раскрывается в челобитных двинского воеводы Бориса Петровича Шереметева (годы воеводства: 1638–1641) и дьяка Потапа Внукова, отправленных в Москву в 1638 г. и 26 октября 1639 г.⁷⁷ В челобитных упоминается царская грамота на Двину 1624/1625 г., выданная из Посольского приказа двинскому воеводе Никите Дмитриевичу Вельяминову (годы воеводства: 1624–1626) и дьяку Матвею Сомову, предписывавшая продать имущество датчанина. В этом была настоятельная необходимость, поскольку от длительного хранения оно «лежечи гниет и портитца»⁷⁸. Продажу имущества воевода должен был поручить двум или трем выборным от посада Архангельска⁷⁹. Ими стали Федор Мельцов⁸⁰ «с товарищи», продавшие товаров на сумму 551 рубль 28,5 копейки⁸¹. Эти деньги с разрешения царя были отданы на «двинские расходы», что специально было отмечено в воеводских приходо-расходных книгах⁸². Библиотека Блума не пошла в продажу и была оставлена на Двине. По специальному распоряжению власти 3 сентября 1639 г. она была вывезена в Москву разрядным подьячим Иваном Песковым⁸³. Ее дальнейшая судьба остается неизвестной.

Отъезд Блума с Двины состоялся после 31 мая 1620 г. Именно этим числом датирована царская грамота двинскому воеводе князю А. В. Хилкову и дьяку С. Зеленому, дававшая разрешение на отпуск Блума в Данию. Воевода должен был послать к датчанину стрелецкого голову и подьячего для официального предъявления обвинения. Оно заключалось, во-первых, в том, что датчанин остался на зимовку в Коле, чего нельзя было делать «без нашево (царя. – С. Н., М. Т.) указу», и, во-вторых, в признании Кольского острога и уезда «нашею и дацского короля опчею землею»⁸⁴. Несмотря на это, царь Михаил Федорович милостиво разрешил отпустить Блума «от Архангелсково города в Дацскую землю»⁸⁵.

Однако царская милость не была по достоинству оценена Клементом Блумом. В Копенгагене всё произошедшее он представил как насилие со стороны русских властей. В царской грамоте королю Христиану IV утверждалось, что вернувшийся на родину Блум заявил «приказным вашим людем» на русскую администрацию «неправду, будто его грабили, и задержали, и товары его поимали»⁸⁶. Русскому посольству князя А. М. Львова и дьяка Ждана Шипова, находившемуся в 1622 г. в Копенгагене, была подана роспись изъятого у датчанина имущества. Ущерб был оценен Блумом в крупную сумму 1500 рублей. Кроме этого, по подсчетам датчанина, убыток от запрета на ведение коммерческой деятельности составил 10 тысяч ефимков⁸⁷. Принять такие претензии русские власти не могли, обвиняя Блума в том, что он вводил датских чиновников в заблуждение («неправду»), тем самым «покрывая свою вину, хотя меж нас с нашею любовью ссору учинить»⁸⁸. Христиан IV вступился за своего подданного, заявив в грамоте царю Михаилу Федоровичу от 12 сентября 1621 г., что имущество Блума было возвращено не полностью⁸⁹.

⁷⁶ Там же. № 117. Стб. 596.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1637 г. Д. 8. Л. 114–115.

⁷⁸ Там же. Л. 60.

⁷⁹ Там же. Л. 61.

⁸⁰ Мельцовы – богатый род посадских людей Холмогор и Архангельска. Федор Мельцов в 1631/1632 г. был двинским кабацким головой (см.: Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: сборник документов / Отв. сост. Т. Б. Соловьева, сост. Т. А. Лаптева. М., 2004. Т. 1. № 23. С. 117.

⁸¹ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1637 г. Д. 8. Л. 114.

⁸² Там же. Л. 115.

⁸³ Там же.

⁸⁴ РИБ. Т. 16. № 108. Стб. 549.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. № 117. Стб. 598.

⁸⁷ Там же. № 117. Стб. 599–600.

⁸⁸ Там же. № 117. Стб. 600.

⁸⁹ Датский архив. № 694 (646). С. 190–191.

Ответом на возникший конфликт стала отправка датской военной эскадры на побережье Баренцева моря. Первое нападение, согласно донесению двинского воеводы князя А. В. Хилкова, произошло 16 июля 1621 г.: два датских корабля «громили» у острова Кильдин гамбургское судно, которое шло «в наше государство к Архангилскому городу с товары». Попутно пострадали и русские промышленники Мурманского берега: датчане «нашим людем, рыбным ловцом, починили грабеж и убытки»⁹⁰.

Нападение датской эскадры в июне 1623 г. стало самым серьезным эпизодом в русско-датском конфликте на Крайнем Севере во второй половине XVI – первой четверти XVII в. Корабли неприятеля действовали в районе полуострова Рыбачьего и острова Кильдина. В эскадру входили шесть крупных морских кораблей, предназначенных для ведения боевых действий на море и нападения на береговые укрепления, и семь небольших судов для транспортировки награбленного⁹¹. Нападая на русских промышленников в море, грабя русские лоды, идущие с различными грузами в Кольский острог, датчане оставались в водах Баренцева моря до конца июля 1623 г.

Одним из руководителей датской эскадры был Клемент Блум. С датчанином встречалось несколько русских людей, специально отправленных для ведения переговоров или оказавшихся в плену у нападавших. Так, с грамотой от воеводы Кольского острога Гурия Волынцева к датчанам был послан служка Троицкого Печенгского монастыря Богдашка Яковлев. У Богдашки Блум «тайно спрашивал» о количестве хлебных запасов в остроге⁹².

К командованию датской эскадры по своей инициативе вышел на встречу «торговый человек» голландец Еремей Любс⁹³, просивший отпустить в Кола «государевы хлебные запасы и людей»⁹⁴. Командующий эскадрой («воевода») Йенс Мунк (Микулай) якобы хотел согласиться на это, но в дело вмешался Клемент Блум. Запретив отправлять грузы в острог, он настоял на том, чтобы хлеб с русских лодей перегрузили на «аглинской торговой» и датский корабли. Другие съестные припасы (мука, крупы, толокно, сухари, мясо) пошли на раздачу датским солдатам⁹⁵.

Клемент Блум участвовал и в сражении в устье р. Териберки 4–5 июля 1623 г. Здесь хотели найти укрытие лодейщики-холмогорцы⁹⁶ и сопровождавшие суда стрельцы во главе с сотником Яковом Шатиловым. Настигшие их датчане вступили в сражение. Укрывшиеся за лодьями стрельцы были блокированы со стороны моря двумя яхтами, а также с суши. На них, «урядясь з знамяны и с набаты, и... в латах», наступал неприятельский отряд в 200 человек⁹⁷. Во главе отряда «под знамянем» шел Клемент Блум. Датчанин вступил в переговоры с сотником Яковом Шатиловым, убеждая его в том, что «не задирайте-де нас на себя, вчера-де (4 июля. – С. Н., М. Т.) убили у нас двух человек салдатов, а ныне-де толко учнете с нами битца», тогда остальные силы «на шти караблех» будут подтянуты к месту сражения⁹⁸. Затем Клемент потребовал у сотника отдать ему «отпуску и книги», содержащие сведения об отправленных в Кольский острог «хлебных запасах». Требование было выполнено⁹⁹.

⁹⁰ РИБ. Т. 16. № 113. Стб. 580; Датский архив. № 697 (649). С. 192.

⁹¹ Подробнее см.: [Никонов].

⁹² РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 33.

⁹³ Еремей Любс – возможно, представитель нидерландской купеческой фамилии Люпсов. Я. В. Велувенкамп прослеживает историю этой династии в России с конца XVII в. (см.: [Велувенкамп, с. 200–205]). Нельзя исключать, что предки Яна Люпса начали свою деятельность в стране несколькими десятилетиями раньше, не стремясь осесть на новом месте.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 87.

⁹⁵ Там же. Л. 89–90.

⁹⁶ Лодейщик – тот, кто ходит на лодьях, член судовой команды.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 82.

⁹⁸ Там же. Л. 82–83.

⁹⁹ Там же. Л. 83.

Под личным командованием Блума находилось одно судно. Побывавший в датском плену архангелогородец Первушка Мосеев в расспросе сообщал двинскому воеводе князю Д. П. Пожарскому, что на «Климкове» корабле было 12 орудий¹⁰⁰. Дополняет эту информацию показание холмогорца Ивашки Щербинина, насчитавшего на корабле датчанина 100 человек¹⁰¹.

На двух кораблях Клемент Блум совершал нападения на русских промышленников в районе Зеленецкого становища¹⁰². 18 июля Блум на шняке¹⁰³, где было 11 человек «немец с оружием», напал на Оленье становище¹⁰⁴. Захваченных здесь промышленников вывезли на военный корабль, где продержали в плену 10 дней и затем высадили на берег¹⁰⁵.

Датская эскадра, хотя и вызвала панику и разорение на Мурманском берегу, не добилась значительных результатов: Кольский острог не был захвачен, а поход на Двину не состоялся. Повлияло ли это обстоятельство на последующую судьбу Клемента Блума, мы не знаем.

После описанных событий датчанин появлялся в России еще два раза. В 1630 г. его отправили с королевскими грамотами в Москву, но из-за того, что грамота к патриарху была подписана «непригожу», его не пустили дальше Новгорода¹⁰⁶. В 1631 г. он вновь ездил в Москву, на этот раз в качестве переводчика в посольстве Мальте Юля. Посольство закончилось неудачей. Показательно, что Клемент Блум не был допущен к царской аудиенции¹⁰⁷: действия датчанина в 1619–1620 и 1623 гг. явно не были забыты правительством Михаила Романова.

Сведений о поездках Блума в Россию после 1631 г. обнаружить не удалось. Купец и авантюрист умер в Копенгагене в 1636 г. Перед смертью он передал крупную сумму (50 ригсдалеров) органному мастеру Йоханнесу Лоренцу¹⁰⁸. Последнее может говорить о том, что у Клемента не было семьи либо к моменту смерти он успел овдоветь.

В судьбе Клемента Блума отразились все противоречия русско-датских отношений в период окончания Смутного времени. Клементу удалось выступить в нескольких качествах: купца, воина и, прежде всего, авантюриста. В попытке пробиться в Пустозерск для ведения пушной торговли датская корона встретила противодействие русской стороны. Власти пошли на арест самого Блума и его имущества в Кольском остроге. Следствие по делу датчанина раскрыло особенности иностранного присутствия иноземцев в северной окраине Русского государства. Это привычность нахождения иностранцев («немцев») в русских монастырях и поморских волостях, где они изучали русский язык, готовность администрации пойти на сотрудничество с ними, если это сулило выгоду. Возможно, и путешествие Клемента Блума закончилось бы благополучным возвращением домой или новой попыткой добраться до устья Печоры, но неосторожное высказывание о неопределенности границ на Севере, принадлежности Кольской земли русской и датской коронам вызвало непонимание и последующий арест. Заявление Блума оказалось симптоматичным. Ко времени окончания Смуты относится новый раунд дипломатической борьбы Дании-Норвегии и России за Крайний Север Европы (Кольский полуостров и Финнмарк). Арест Блума вызвал первое вооруженное столкновение, пусть и ограниченное побережьем Баренцева моря. Последующее вступление Датского королевства в Тридцатилетнюю войну отложило решение этого вопроса.

¹⁰⁰ Там же. Л. 114.

¹⁰¹ Там же. Л. 121.

¹⁰² Там же. Л. 115. Зеленец – промысловое становище на восточном побережье Мурманского берега.

¹⁰³ Шняка – небольшое рыболовное судно.

¹⁰⁴ Оленье – промысловое становище на восточном побережье Мурманского берега.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 121.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 6.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 305.

¹⁰⁸ Rigsarkivet, Rentekammeret, Rentemesterregnskab 1636–1637, Udgift fol. 177a. См. также: [Olesen].

Приложение

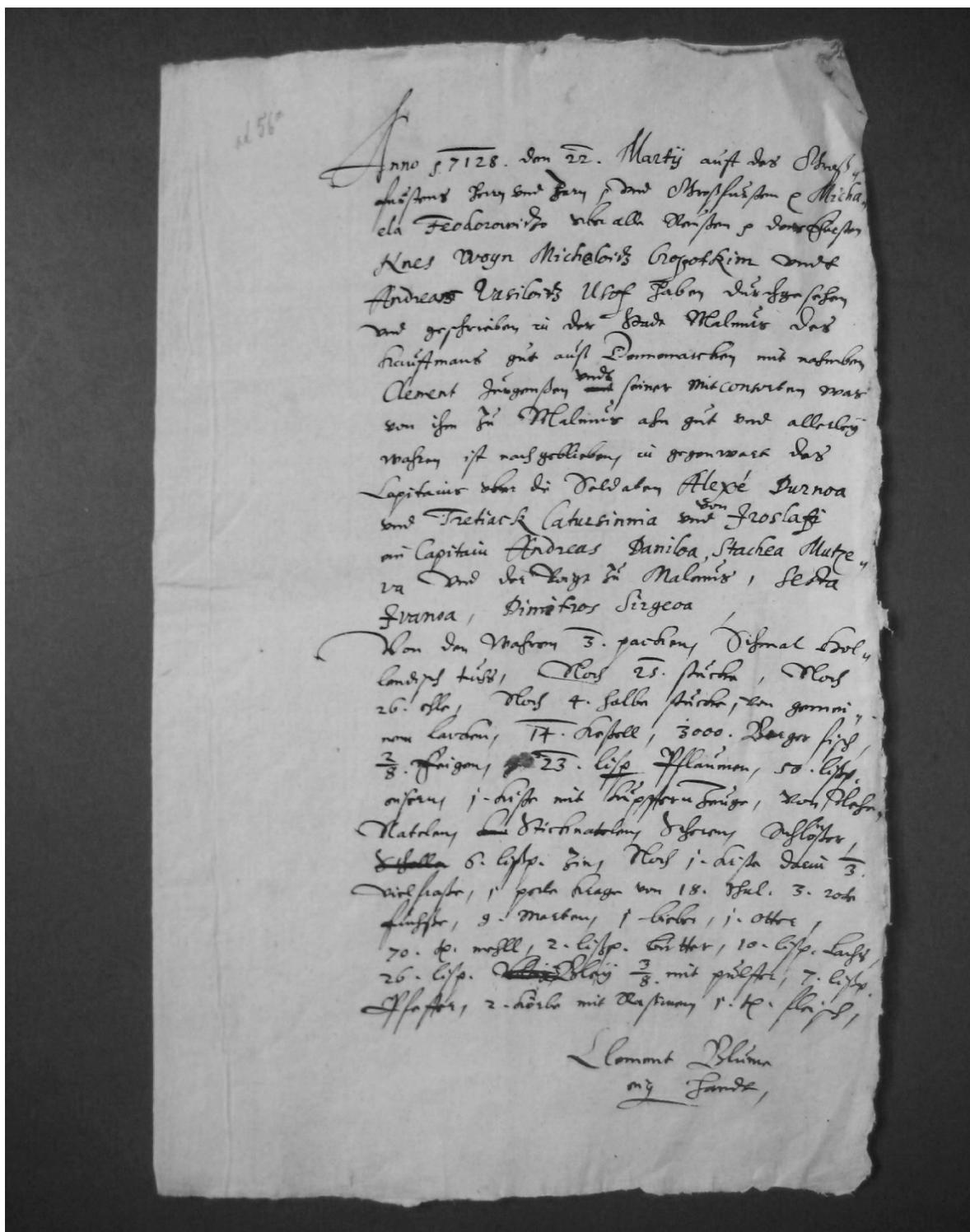

Рис. 1. Опись товаров от 22 марта 1620 г., составленная рукой Клементя Блума.
 Под текстом имеется подпись Блума. Rigsarkivet, Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling:
 Rusland: Breve fra russiske kejsere og kejserinder (1516–1769) 73–4: Zar Mikhail Feodorovitsch Romanov 1614–1628. Ak
 56. Документ предоставлен К.-Х. Лундом.

Литература

- Багров Л. История картографии / Пер. с англ. Н. И. Лисовой. М., 2021. 319 с.
- Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. 591 с., 6 л. карт.
- Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. 303, [1] с.
- Вальдман К. Н. Старинное становище и торг (XVI в.) на Крайнем Севере (Кегор – Вайда-губа) // Известия Всесоюзного географического общества. М.; Л., 1968. Т. 100. Вып. 1. С. 52–58.
- Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. 312 с.
- Венге М. Копенгагенский трактат 1493 года и датско-русские связи в XVI веке // Дания и Россия – 500 лет. М., 1996. С. 10–33.
- Вершинин Е. В. Коч в истории севера Европейской и Азиатской России // Вершинин Е. В., Кухтерин С. А., Наймарк М. Л., Филин П. А. Коч – судно полярных мореходов XVII века. Новые данные. М., 2022. С. 23–30.
- Гортер А. А., Гортер В. Т. Каменная летопись на Большом Аникиеве // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2014. Вып. 13. С. 58–68.
- Гуревич А. Я. Упадок Норвегии. От унии со Швецией к унии с Данией (XIV–XV вв.) // История Норвегии. М., 1980. С. 177–196.
- Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 2. 110, [1] с.
- Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006. 143 с.
- Джонсон Д. С., Нурминен Ю. История мореплавания и навигации. М., 2021. 378 с.
- Казакова Н. А. Русско-датские торговые отношения в конце XV – начале XVI в. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л., 1970. С. 89–104.
- Коваленко Г. М. Дело Климента Блауме. Эпизод из истории датско-русских отношений XVII века // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 2000. Вып. 3. С. 58–63.
- Копелев Д. Н. Размышления о «кругосветных» плаваниях в арктических морях: кабинетный взгляд и навигационные реалии (дискуссионные вопросы) // Копелев Д. Н. Битва портуланов. Забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий. СПб., 2019. С. 150–174.
- Кошечкин Б. Имена на скале. Л., 1981. 45 с.
- Кристенсен С. О. Датско-русские связи в период 1602–1658 годов // Дания и Россия – 500 лет. М., 1996. С. 34–61.
- Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. 223 с., 11 л. ил.
- Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011. 268, (2) с., (8) л. ил., портр., к.
- Мельникова А. С. Русско-датские монеты XVII века в собрании Государственного Исторического Музея // Ежегодник ГИМ. М., 1960. С. 90–105.
- Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. 316, [2] с.
- Никонов С. А. Датское нападение на Мурманский берег в 1623 г.: к вопросу об организации обороны Поморья // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 204–209.
- Никонов С. А., Толкачев М. В. Датское нападение на Мурманский берег в 1623 г.: историография вопроса и источники // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 81–93. DOI 10.25986/IRL.2022.8.89.008
- Толкачев М. В. Русско-датские дипломатические отношения и лапландский вопрос в 1584–1605 годах. Самара, 2018. 255 с.
- Ушаков И. Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. 672 с.
- Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Историко-краеведческие исследования. В 3 т. Мурманск, 1997. Т. 1. Кольская земля. 646, [1] с.
- Хаккеборд Л. Археологические и картографические аспекты ранних русско-голландских торговых связей на Русском Севере // Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. С. 7–13.
- Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л., 1970. С. 9–63.

- Щеглов А. Д. «Навеки вместе»: Швеция, Дания и Норвегия в XIV–XV веках. М., 2022. 249 с.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. 399 с.
- Dalgård S. Det Petsoriske kompagni af 1619. København, 1955. 103 s.
- Hansen L. I. The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times // *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005. P. 40–61.
- Olesen O. Lorentz, Johan // *Dansk biografisk Leksikon*. 3. Udgave. Bd. 9. København, 1981. S. 117.

References

- Bagrov, L. *Istoriya kartografii [History of Cartography]*. Transl. from English by N. I. Lisova. Moscow, 2021. 319 p.
- Belov, M. I. *Arkticheskoe moreplavanie s drevneishikh vremen do serediny XIX veka [Arctic Navigation from Ancient Times to the Middle of the 19th Century]*. Moscow, 1956. 591 p., 6 l. of maps.
- Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: materialy k slovaryu [Translators of the Embassy Chancery in the 17th Century: Materials for the Dictionary]*. Moscow, 2021. 303, [1] p.
- Dalgård, S. *Det Petsoriske kompagni af 1619*. København, 1955. 103 s.
- Demkin, A. V. *Zapadnoevropeiskoe kupechestvo v Rossii v XVII v. [Western European Merchants in Russia in the 17th Century]*. Moscow, 1994. Issue 2. 110, [1] p.
- Derzhavin, V. L. *Severnyi Murman v XVI–XVII vv. (k istorii russko-evropeiskikh svyazei na Kol'skom poluostrove) [Northern Murman in the 16th – 17th Centuries (On the History of Russian-European Relations on the Kola Peninsula)]*. Moscow, 2006. 143 p.
- Gorter, A. A., Gorter, V. T. *Kamennaya letopis' na Bol'shom Anikieve [Stone Chronicle on Bolshoy Anikiev]*. In *Solovetskoe more: istoriko-literaturnyi al'manakh*. Arkhangelsk; Moscow, 2014. Issue 13. Pp. 58–68.
- Gurevich, A. Ya. *Upadok Norvegii. Ot unii so Shvetsiei k unii s Daniei (XIV–XV vv.) [The Decline of Norway. From the Union with Sweden to the Union with Denmark (14th – 15th Centuries)]*. In *Istoriya Norvegii*. Moscow, 1980. Pp. 177–196.
- Hakkebord, L. *Arkheologicheskie i kartograficheskie aspekty rannikh russko-gollandskikh torgovykh svyazei na Russkom Severe [Archaeological and Cartographic Aspects of Early Russian-Dutch Trade Relations in the Russian North]*. In *Niderlandy i Severnaya Rossiya*. Saint Petersburg, 2003. Pp. 7–13.
- Hansen, L. I. *The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times*. In *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005. Pp. 40–61.
- Jonson, D. S., Nurminen, Yu. *Istoriya moreplavaniya i navigatsii [The History of Shipping and Navigation]*. Moscow, 2021. 378 p.
- Kazakova, N. A. *Russko-datskie torgovye otnosheniya v kontse XV – nachale XVI v. [Russian-Danish Trade Relations in the Late 15th – Early 16th Century]*. In *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii. IX–XX vv.* Leningrad, 1970. Pp. 89–104.
- Kopelev, D. N. *Razmyshleniya o “krugosvetnykh” plavaniyakh v arkticheskikh moryakh: kabinetnyi vzglyad i navigatsionnye realii (diskussionnye voprosy) [Reflections on “Round-the-world” Voyages in the Arctic Seas: A Desk View and Navigational Realities (Discussion Questions)]*. In *Kopelev, D. N. Bitva portulanov. Zabytye i maloizvestnye stranitsy voenno-morskoj istorii XVI–XIX stoletii*. Saint Petersburg, 2019. Pp. 150–174.
- Koshechkin, B. *Imena na skale [Names on the Rock]*. Leningrad, 1981. 45 p.
- Kovalenko, G. M. *Delo Klimenta Blume. Epizod iz istorii datsko-russkikh otnoshenii XVII veka [The Case of Clement Bloom. An Episode from the History of Danish-Russian Relations of the 17th Century]*. In *Politicheskaya istoriya i istoriografiya (ot antichnosti do sovremennosti)*. Petrozavodsk, 2000. Issue 3. Pp. 58–63.
- Kristensen, S. O. *Datsko-russkie svyazi v period 1602–1658 godov [Danish-Russian Relations in the Period of 1602–1658]*. In *Daniya i Rossiya – 500 let*. Moscow, 1996. Pp. 34–61.
- Kukushkina, M. V. *Monastyrskie biblioteki Russkogo Severa. Ocherki po istorii knizhnoi kul'tury XVI–XVII vekov [Monastery Libraries of the Russian North: Essays on the History of Book Culture of the 16th – 17th Centuries]*. Leningrad, 1977. 223 p., 11 l. of il.
- Labutina, T. L. *Anglichane v dopetrovskoi Rossii [The British in Pre-Petrine Russia]*. Saint Petersburg, 2011. 268, (2) p., (8) l. of il, portr., maps.
- Mel'nikova, A. S. *Russko-datskie monety XVII veka v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya [Russian-Danish Coins of the 17th Century in the Collection of the State Historical Museum]*. In *Ezhegodnik Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya*. Moscow, 1960. Pp. 90–105.

- Mel'nikova, A. S. *Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo (istoriya russkoi denezhnoi sistemy s 1533 po 1682 god)* [Russian Coins from Ivan the Terrible to Peter the Great (History of the Russian Monetary System from 1533 to 1682)]. Moscow, 1989. 316, [2] p.
- Nikonov, S. A. *Datskoe napadenie na Murmanskii bereg v 1623 g.: k voprosu ob organizatsii oborony Pomor'ya* [The Danish Attack on the Murmansk Coast in 1623: On the Question of the Organization of the Defense of Pomor Land]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkhografii: K 90-letiyu N. N. Pokrovskogo*. Novosibirsk, 2020. Pp. 204–209.
- Nikonov, S. A., Tolkachev, M. V. *Datskoe napadenie na Murmanskii bereg v 1623 g.: istoriografiya voprosa i istochniki* [Danish Attack on the Murmansk Coast in 1623: Historiography of the Issue and the Composition of Sources]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 3 (89). Pp. 81–93. DOI 10.25986/IRL.2022.8.89.008
- Olesen, O. Lorentz, Johan. In *Dansk biografisk Leksikon*. 3. Udgave. Bd. 9. København, 1981. S. 117.
- Shaskol'skii, I. P. *Ekonomicheskie svyazi Rossii s Daniei i Norvegiei v IX–XVII vv.* [Economic Relations of Russia with Denmark and Norway in the 11th – 17th Centuries]. In *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii. IX–XX vv.* Leningrad, 1970. Pp. 9–63.
- Shcheglov, A. D. “Naveki vmeste”: Shvetsiya, Daniya i Norvegiya v XIV–XV vekakh [“Forever Together”: Sweden, Denmark and Norway in the 14th – 15th Centuries]. Moscow, 2022. 249 p.
- Tolkachev, M. V. *Rusko-datskie diplomaticheskie otnosheniya i laplandskii vopros v 1584–1605 godakh* [Russian-Danish Diplomatic Relations and the Lapland Question in 1584–1605]. Samara, 2018. 255 p.
- Ushakov, I. F. *Kol'skaya zemlya. Ocherki istorii Murmanskoi oblasti v dooktyabr'skii period* [Kola Land. Essays on the History of the Murmansk Region in the Pre-October Period]. Murmansk, 1972. 672 p.
- Ushakov, I. F. *Izbrannye proizvedeniya. Istoriko-kraevedcheskie issledovaniya* [Selected Works. Historical and Local History Studies]. In 3 vol. Murmansk, 1997. Vol. 1. Kol'skaya zemlya [Kola Land]. 646, [1] p.
- Val'dman, K. N. *Starinnoe stanovishche i torg (XVI v.) na Krainem Severe (Kegor – Vaida-guba)* [Old Settlement and Bargaining (16th Century) in the Far North (Kegor – Vayda-guba)]. In *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. Moscow; Leningrad, 1968. Vol. 100. Issue 1. Pp. 52–58.
- Veluvenkamp, Ya. V. *Arkhangel'sk. Niderlandskie predprinimateli v Rossii. 1550–1785* [Arkhangelsk. Dutch Businessmen in Russia. 1550–1785]. Moscow, 2006. 312 p.
- Venge, M. *Kopengagenskii traktat 1493 goda i datsko-russkie svyazi v XVI veke* [The Copenhagen Treatise of 1493 and Danish-Russian Relations in the 16th Century]. In *Daniya i Rossiya – 500 let*. Moscow, 1996. Pp. 10–33.
- Vershinin, E. V. *Koch v istorii severa Evropeiskoi i Aziatskoi Rossii* [Koch in the History of the North of European and Asian Russia]. In *Vershinin, E. V., Kukhterin, S. A., Naimark, M. L., Filin, P. A. Koch – sudno polyarnykh morekhodov XVII veka. Novye dannye*. Moscow, 2022. Pp. 23–30.
- Yasinski, M. E., Ovsyannikov, O. V. *Pustozersk. Russkii gorod v Arktike* [Pustozersk. Russian City in the Arctic]. Saint Petersburg, 2003. 399 p.

Sergey A. Nikonov
Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia
Mikhail V. Tolkachev

Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Samara, Russia

CLEMENT BLOMME (KLIM YURIEV) IN THE RUSSIAN NORTH
(FROM THE HISTORY OF RUSSIAN-DANISH RELATIONS
AT THE END OF THE 16th – THE FIRST QUARTER OF THE 17th CENTURY)

The article deals with the biography of Clement Blomme, a Danish merchant and adventurer, a participant in sea voyages to the North of Russia at the beginning of the 17th century. Blomme became a leader of the unsuccessful expedition of the Danish Pechora Company to Pustozersk in 1619. His short stay in the Kola fortress provoked a conflict that caused attacks by the Danish squadron on the Murmansk coast. Blomme's fate reflected the features of the relationship between Europeans and Russians in the Far North: trade cooperation and friendly contacts with representatives of the administration and local society.

Keywords: Clement Blomme, trading, Kola fortress, Pustozersk, Murmansk coast

